Поэзия и пространство

УДК 82-1:913 DOI: 10.58529/2782-6511-2025-4-2-50-59

Баландина Ирина Александровна
аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)
ORCID: 0000-0002-4749-5018
E-mail: balandinairina00@gmail.com

Историко-географические реминисценции как форма самоидентификации в лирике И. Бродского

АННОТАЦИЯ. В статье проблема самоидентификации И. Бродского рассматривается через исторические и географические образы и реминисценции в его поэзии. Целью исследования является выявление и анализ специфических способов конструирования авторского «я» через обращение к историческим персонажам и событиям в поэтическом творчестве Бродского. Проведен анализ стихотворений, в которых поэт использует исторические реминисценции для осмысления собственной судьбы и творческого пути. Не меньший интерес для исследования представляет обширная география используемых поэтом образов. Методологический аппарат исследования опирается на сочетание биографического, культурно-исторического и герменевтического подходов, что позволяет рассмотреть проблему в различных аспектах: от конкретных текстологических наблюдений до широких культурологических обобщений. Материалом исследования служат поэтические произведения разных периодов творчества Бродского. Основное внимание в статье уделяется трем ключевым темам, через которые происходит самоидентификация поэта: жертва во имя человечества, несправедливый суд и изгнание. В работе показано, как Бродский использует образы исторических личностей (Мигель Сервет, Мария Стюарт, маршал Жуков) и литературных персонажей (Одиссей) для отражения собственного мироощущения и осмысления своего жизненного опыта. Обширность используемых топосов, таких как древняя Греция, Римская империя, средневековая Испания, Люксембургский сад в Париже или Ленинград, расширяют интертекстуальное поле его поэзии через связь с культурой различных исторических периодов в привязке к месту. Так, в поле зрения поэта оказывается и античная культура, и европейское средневековье, и Советский Союз. В рамках исследования особое внимание уделяется периоду эмиграции, когда проблема самоидентификации приобретает для поэта особую остроту. Важным аспектом становится рассмотрение того, как личный опыт изгнанничества преломляется через призму исторических параллелей и культурных аллюзий. Делается вывод о том, что обращение к историко-культурным контекстам является важным способом творческого самовыражения и осмысления собственной судьбы в поэзии Бродского, а также включения своей личности в контекст общемировой истории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: И. Бродский, историческая реминисценция, топос, самоидентификация, авторское «я», мотивы жертвы, неправедного суда, изгнания, поэтическая биография

Для цитирования: Баландина И. А. Историко-географические реминисценции как форма самоидентификации в лирике И. Бродского // Историко-географический журнал. 2025. Т. 4, № 2. С. 50–59. DOI: 10.58529/2782-6511-2025-4-2-50-59.

Поступила в редакцию 23.12.2024
Принята к публикации 10.04.2025

© Баландина И. А., 2025

Poetry and Space

UDC 82-1:913 DOI: 10.58529/2782-6511-2025-4-2-50-59

Irina A. Balandina
Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)
ORCID: 0000-0002-4749-5018
E-mail: balandinairina00@gmail.com

Historico-Geographical Reminiscences as a Form of Self-Identification in J. Brodsky's Lyrics

ABSTRACT. The article considers the problem of J. Brodsky's self-identification through historical and geographical images and reminiscences in his poetry. Its aim is to identify and analyze the specific ways of constructing the author's "self" through reference to historical characters and events in Brodsky's poetry. Poems where the poet uses historical reminiscences to comprehend his own fate and creative path are analyzed. The extensive geography of images used by the poet holds equal interest for the study. The methodological framework of the study is based on a combination of biographical, cultural-historical and hermeneutical approaches, which allows considering the problem in different aspects: from specific textual observations to broad cultural generalizations. The material of the study is poetic works from different periods of Brodsky's life. The article focuses on the three key themes through which the poet's self-identification takes place: sacrifice for the sake of humanity, unjust judgement and exile. The paper shows how Brodsky uses images of historical figures (Miguel Servetus, Mary I of Scotland, marshal Zhukov) and literary characters (Odysseus) to reflect his own worldview and make sense of his life experience. The vastness of the used topoi, such as ancient Greece, the Roman Empire, medieval Spain, the Luxembourg Gardens in Paris, or Leningrad, expands the intertextual field of his poetry through the connection with the culture of different historical periods in relation to the place. As a result, the poet's field of vision includes ancient culture, the European Middle Ages, the Soviet Union, and so forth. The study pays special attention to the period of emigration, when the problem of self-identification becomes especially acute for the poet. An important aspect is the consideration of how the personal experience of exile is refracted through the prism of historical parallels and cultural allusions. It is concluded that the reference to historic-cultural contexts is an important way of creative self-expression and comprehension of own destiny in J. Brodsky's poetry, as well as the inclusion of his identity in the context of world history.

KEYWORDS: J. Brodsky, historical reminiscence, topoi, self-identification, author's "self", motifs of sacrifice, unjust judgement, exile, poetic biography

For citation: Balandina I. A. [Historico-Geographical Reminiscences as a Form of Self-Identification in J. Brodsky's Lyrics]. Istoriko-geograficheskiy zhurnal [Historical Geography Journal], 2025, vol. 4, no. 2, pp. 50–59. DOI: 10.58529/2782-6511-2024-4-1-50-59 (In Russian).

Received 23 December 2024
Accepted 10 April 2025

© 2025 The Author

Проблема поэтической самоидентификации в творчестве Иосифа Бродского представляет собой одну из ключевых тем современного бродсковедения. В условиях культурной парадигмы XX века, отмеченной кризисом идентичности и переосмыслением традиционных форм художественного самовыражения, большее значение приобретает исследование механизмов конструирования авторского «я» через обращение к историческим и культурным контекстам. Актуальность исследованию придает тот факт, что творчество Бродского демонстрирует сложное взаимодействие личного опыта с широким культурно-историческим контекстом. В его поэзии исторические образы и сюжеты становятся не просто элементами художественной выразительности, но важнейшим способом осмысления собственной судьбы и творческого пути. Кроме обширного исторического поля в отношении лирики Бродского есть возможность говорить о географическом культурном контексте. Бродский обращается к культурам не только различных исторических периодов, но и стран, от Рима до древнего Китая («Письма династии Минь»), от современной поэту России до Соединенных Штатов и европейских стран («Литовский диверсимент», цикл «Мексиканский диверсимент», «Венецианские строфы» и другие). Одновременное перемещение во времени и пространстве способствует реализации самоидентификации Бродского в различных культурных контекстах, связанных со всей мировой историей.

Говоря о проблеме писательской самоидентификации, С. Н. Есин определяет ее таким образом: «Писательская самоидентификация — это зафиксированная в тексте рефлексия писателя над своей особостью: кто я? каков мир? какое место я в нем занимаю? и какое среди людей? <...> специфика писательской самоидентификации не сводится только к содержанию — рефлексии над особенностями дара словесного творчества, но имеет отношение и к форме — письменной фиксации этой рефлексии»[1]. Так, значимым для исследователя должно быть не только смысловое наполнение самоидентификационного высказывания, но и те формы и приемы, через которые автор выражает свое «я» в тексте.

В обращении к проблеме самоидентификации Бродского и ее реализации в поэтическом тексте следует уделить отдельное внимание используемой терминологии, поскольку в отношении к тем стихотворениям Бродского, где личность автора и герой художественного текста не тождественны, оказываются неприменимы такие понятия, как «лирический герой» или «ролевая лирика», подробно исследованные Б. О. Корманом. С. Н. Бройтман расширяет эту систему, вводя понятие «лирического “я”», однако применимость данного термина относительно поэзии Бродского также оказывается спорной для исследователей. Проблему терминологии и необходимость использования в отношении поэзии Бродского понятия «авторского “я”» подробно рассматривает В. Полухина: «Употребляемое понятие «авторское “я”» включает и лирического субъекта как «носителя текста», и автора, его создателя. Термин <...> более основателен и более экстенсивен, чем «лирическое “я”» или «поэтическая маска». Есть много причин, позволяющих согласиться с теми критиками, которые говорят, что «лирическое “я”» — не обязательно продолжение поэта и у каждого стихотворения есть свой собственный лирический субъект, но было бы очень трудно доказать, что это не разные манифестации «я» поэта, ибо каждое стихотворение, в сущности, есть автопортрет поэта»[2].

Проблема масок, применяемых Бродским в стихотворениях, в которых «авторское “я”» говорит от лица исторической личности или нетождественного поэту субъекта, рассматривается О. Ю. Осьмухиной. Маска понимается исследователем как прием самовыражения через дистанцирование, которое в том числе способствует авторской рефлексии: «Авторская маска, предстающая одной из ипостасей создателя художественного текста, не просто непосредственно связана с ее носителем, то есть автором, но предстает одним из способов самовыражения, сокрытия/проявления автором самого себя в пределах текстового пространства с присущими лишь ему индивидуальными особенностями мироощущения, мировоззрения, стиля»[3]. Так, маска — это особая форма воплощения «авторского “я”» в поэтическом тексте.

---

[1] Есин С. Н. Писатель в теории литературы: проблема самоидентификации. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. С. 9.

[2] Полухина В. П. Авторское «я» в изгнании // Больше самого себя. О Бродском. Томск, 2009. С. 32–33; Бройтман С. Н. Лирический субъект // Введение в литературоведение: Учеб. пособие / под ред. Л. В. Чернец. М., 2004. С. 310–319; Корман Б. О. Избранные труды по теории и истории литературы / Предисл. и сост. В. И. Чулкова. Ижевск, 1992.

[3] Осьмухина О. Ю. Автор в поисках себя: формы функционирования авторской маски в отечественной прозе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 1 (9). 2009. С. 52–57.

Специфика поэзии Бродского — ее широкая контекстуальность и интертекстуальность, а также упомянутая выше особенность его «авторского “я”» в тексте позволяет нам рассматривать исторические реминисценции как форму его самоидентификации, а используемые исторические образы как варианты проявления «авторского “я”» через исторические маски, которые примеряет на себя поэт.

В своей статье «Вариации на тему изгнания» американский переводчик Бродского, Джордж Клайн, рассматривает знаковые для поэта исторические фигуры, тесно связанные с мотивом изгнания и неприятия личности толпой и государством. Анализируя связь самоидентификации Бродского с образами Данте, Марии Стюарт и Маршала Жукова, он так определяет их основное сходство: бесчестие, изгнание, заключение и казнь той страной, которой они служили, и которая впоследствии реабилитирует их, восстанавливая их честь и репутацию[4]. И. И. Кобеляцкая, анализируя появляющиеся у Бродского исторические фигуры, объясняет избираемые поэтом персоналии масштабом личности и их интерпретацией в культуре: «В своих многочисленных интервью Бродский неоднократно подчеркивал, что его “заботит метафизический потенциал человека”. Свою задачу поэт видел в том, чтобы за напластованностью стереотипов и “ходячих мнений” вскрыть истинную глубину и одновременно противоречивость человеческой натуры. Прославленные деятели истории здесь не исключение»[5]. Противоречивость и двойственность великих людей прошлого позволяет поэту в полной мере осмыслить свою собственную личность и судьбу: невозможно быть идеальным и восприниматься таковым для всех вокруг. Кроме того, помимо исторических личностей, Бродский обращается к культурному полю вокруг них, а именно к истории и культуре места, в котором функционирует тот или иной образ.

В данном исследовании будут рассмотрены некоторые стихотворения Бродского, в которых его собственное состояние и мироощущение отражается через обращение к историческим событиям и персоналиям.

Так, в раннем стихотворении Бродского «Гладиаторы» маской, воплощающей «авторское “я”» поэта, становится образ гладиатора, борца, пришедшего в Рим ради денег и «ради истин» и готового к смерти ради «хлеба и зрелищ». Римский топос в творчестве Бродского тесно связан с образом империи, пространством одновременно грандиозным, но беспощадным к индивиду. Строй римского общества и торжество государственности становится причиной обезличивания и обесценивания личности, и в этом трагичность жертвы гладиатора ради развлечения не менее безликой толпы: она не имеет никакого значения для тех, кто сидит на трибунах. Обращение к своим собратьям наполнено ощущением предопределенности собственной судьбы и судьбы таких же, как и он:

Простимся.
До встреч в могиле.
Близится наше время.
Ну, что ж?
Мы не победили.
Мы умрем на арене.[6]

Ощущение обреченности и оторванности от родного дома присутствует уже здесь — однако определить, связано это чувство отчуждения со ссылкой или воплощает внутреннее самоощущение оторванности поэта от мира, невозможно — по причине отсутствия датировки у стихотворения в сборнике 1964 г. Интересно, что в последующих авторизованных собраниях сочинений Бродского текст отсутствует, по воле, вероятно, самого поэта: вышедший в Нью-Йорке сборник создавался без согласования включаемых в него произведений и по выходу вызывал у поэта весьма смешанные чувства: «Помню, когда я освободился, мне ее показали: такая серая книжка, с массой стихотворений. Посмотрел я на нее — ну, ощущение полной дичи. У меня, вы знаете, было чувство, что это стихи, взятые во время обыска и напечатанные»[7].

[4] Kline G. L. Variations on the Theme of Exile // Brodsky’s poetics and aesthetics / eds by L. Loseff, V. Polukhina. London, 1990. P. 71.
[5] Кобеляцкая И. И. Проблема исторической личности в творчестве Иосифа Бродского // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2011. № 2. С. 53–63.
[6] Бродский И. Стихотворения и поэмы. Washington, D.C.; New York, 1965. С. 31.
[7] Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. СПб., 2022. С. 35.

Несмотря на отношение к этому тексту самого Бродского, он становится одним из первых в ряду стихотворений, которые отражают его самоидентификацию через исторические отсылки — в образе гладиатора, обреченного погибнуть на потеху толпе, видится судьба любого поэта:

Близится наше время.
Люди уже расселись.
Мы умрем на арене.
Людям хочется зрелищ.[8]

Мотив гибели творца во имя людей и искусства потом будет много раз появляться в лирике Бродского, включая его стихотворение-автометафору «Осенний крик ястреба», отражающее видение трагической судьбы поэта.

История испанского ученого Мигеля Сервета вдохновляет Бродского на еще одно стихотворение, созданное в 1959 г., продолжающее идею жертвы «во имя» — «Стихи об испанце Мигуэле Сервете, еретике, сожженном кальвинистами». Образ мыслителя и философа, не принятого и, более того, казненного за свои идеи, явно резонирует с самовосприятием поэта. «*Человек, изучавший Человека для Человека*»[9] — поэта впечатляет гуманизм и обращенность внимания ученого к человеку и человеческой природе в тот момент, когда другие смотрели «в небо».

Мигель Сервет, врач, описавший малый круг кровообращения, был сожжен за свои «еретические идеи» кальвинистами в 1553 г. и для европейской истории стал первой жертвой протестантского фанатизма. Для Бродского же, вероятнее всего, он становится очередным проявлением трагической участи творца, чьи идеи были слишком прогрессивными для своего времени:

Сын века — он уходил от своего
века,
заворачиваясь в плащ
от соглядатаев,
голода
и снега[10].

Обращение к образу Сервета также может быть связано с его философскими идеями: будучи теологом-антитринитаристом, он воспринимает Бога не как «святую Троицу» в виде Отца, Сына и Святого Духа, но как воплощенного в Слове и Духе, которые становятся модусами проявления Бога на земле. Восприятие Слова как проявления высшего порядка, доминирующего над человеческим сознанием, — образ мысли самого Бродского, всегда утверждавшего превосходство языка над поэтом.

Молодой поэт ошибается во временных рамках, называя годом смерти Сервета 1653 г., однако знакомство с его биографией все же подчеркивает интерес Бродского к его личности. Кроме того, образ Мигеля Сервета связывает текст Бродского с историей и топосом средневековой Испании, где в это время активно действовал Трибунал священной канцелярии инквизиции, более известный как Испанская инквизиция, контролировавший в том числе науку и искусство. Так, герой, к которому обращается поэт, становится в один смысловой ряд с такими учеными, как Галилео Галилей, Джордано Бруно и другими мыслителями прошлого, погибшими за свои идеи, которые в дальнейшем будут признаны потомками как неоспоримо значимые. Вероятно, именно это самоощущение поэта как героя «не своего времени» и надежда на признание хотя бы посмертно подталкивает его к обращению и осмыслению подобных исторических фигур.

Одним из самых известных текстов Бродского, обращенных к теме изгнания, является стихотворение «Письма римскому другу» с указанием «Из Марциала», созданное в 1972 г. Письма в «столицу» отправляются из «глухой провинции у моря», из ссылки, уже почти физической для

[8] Бродский И. Указ. соч. Стихотворения и поэмы. Washington, D.C.; New York, 1965.
[9] Бродский И. Собрание сочинений Иосифа Бродского в 7 т. СПб., 2001. Т. 1. С. 25.
[10] Там же. С. 24.

Бродского, — стихотворение создается в период перед отъездом, неизбежность которого поэт прекрасно осознавал. Ощущение собственного одиночества и отчужденности от человеческого общества смешивается с холодностью и саркастичностью в отношении оставленной «столицы»:

...Что в столице? Мягко стелют? Спать не жестко?
Как там Цезарь? Чем он занят? Все интриги?
Все интриги, вероятно, да обжорство.
Я сижу в своем саду, горит светильник.
Ни подруги, ни прислуги, ни знакомых.
Вместо слабых мира этого и сильных —
лишь согласное гуденье насекомых[11].

Обида изгнанника в тексте сочетается с напускным безразличием к делам родины: «Как там в Ливии, мой Постум, — или где там?»[12], отражая оторванность поэта не только от места, но и от истории родной земли.

Ощущение близящейся гибели, проявленное в тексте: «Скоро, Постум, друг твой, любящий сложенье, долг свой давний вычитанию заплатит»[13] — смешивается с чувством, что и оплакать поэта по своей воле будет некому. Оттого адресата своих писем автор посылает не к родным или друзьям, а к гетерам, которых посещал:

Дай им цену, за которую любили,
чтоб за ту же и оплакивали цену[14].

Лев Лосев в «Опыте литературной биографии» пишет о глубокой связи стихотворения с античностью, отмечая значение семантики имени адресата, позволяющую интерпретировать письма как посмертные или предсмертные, но обреченные дойти до адресата только после кончины автора: «“Римского друга”, к которому обращены письма, зовут Постум <...> латинское имя Postumus — «тот, кто после», — давалось ребенку, родившемуся после смерти отца. <...> Со знаменитой одой Горация “Письма римскому другу” роднит не только тема быстротечности жизни, но и то, что оба произведения кончаются картиной жизни, продолжающейся за вычетом автора (лирического героя). Сходство подчеркивается и тем, что Бродский, вслед за Горацием, упоминает в концовке кипарис — кладбищенское дерево у римлян»[15]. Мотив оставленного мира, «мира без меня», продолжающего свое существование «за вычетом» поэта, прослеживается у Бродского в его лирике всех периодов: «Век кончится, но раньше кончусь я»[16] — ставшая крылатой строка ярко отражает мироощущение Бродского, существовавшего в постоянном предчувствии собственной смерти.

С Марциалом стихотворение связывает не только подражание стихотворения форме эпиграммы, но и адресат писем, Постум, и сама биография античного поэта, к образу которого Бродский обращается. Джордж Клайн отмечает: в период перед отъездом и сразу после него у Бродского был невероятный творческий подъем, в период которого создавалось множество стихов, отражавших тему изгнания и ссылки, который потом сменился депрессией и значительным спадом его продуктивности, когда поэта преследовало ощущение близящегося конца: «My clear and painful impression was of a poet who feared that he might *never* write again»[17]. Он же обнаруживает главное сходство с Марциалом — мотив поэта в изгнании.

В этот же период пишется стихотворение «Одиссей Телемаку», где маской поэта становится образ античного героя, оказавшегося оторванным от своей родины и семьи более чем на 10 лет. Письмо адресовано сыну, с которым тот оказался в долгой разлуке, настолько длительной, что память героя начинает слабеть:

[11] Бродский И. Собрание сочинений... Т. 3. С. 10.
[12] Там же. С. 11.
[13] Там же. С. 12.
[14] Там же.
[15] Лосев Л. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии. СПб., 2010. С. 432.
[16] Бродский И. Собрание сочинений... Т. 4. С. 73.
[17] Kline G. L. Op. cit. P. 58.

Не помню я, чем кончилась война,
и сколько лет тебе сейчас, не помню[18].

Мотив утраты памяти часто соседствует у Бродского с мотивом изгнания и странничества. Стихотворение отражает ощущение потерянности лирического «я» поэта в этот период: «Мне неизвестно, где я нахожусь, что предо мной…»[19]. У Телемака, адресата письма, есть реальный исторический прототип — сын поэта, с которым тот оказывается разлучен, что еще больше подкрепляет связь образа потерянного скитальца Одиссея, не по своей воле втянутого в войну, с самоощущением Бродского.

Мотив несправедливой казни, появляющийся в «Стихах о Мигуэле Сервете», активно развивается в стихотворениях поэта после эмиграции. С этим мотивом тесно связан образ шотландской королевы, впервые появившейся в «20 сонетах к Марии Стюарт» 1974 года. Обращение к статуе в Люксембургском саду вводит лирическое «я» поэта в односторонний диалог, в котором он отождествляет свою судьбу с судьбой королевы, вводя в свою речь постоянное «мы»:

Рок, жадный до каракуля с овцы,
что брачные, что царские венцы
снимает с нас. И головы особо[20].

Собственная «казнь» 1964 г. воспринимается Бродским так же, как публичная расправа средневековья — гибель на потеху публике, которая становится темой для сплетен:

В тот день их речи были таковы:
«Ей отрубили голову. Увы».
«Представьте, как рассердятся в Париже».
«Французы? Из-за чьей-то головы?
Вот если бы ей тяпнули пониже…»[21]

Бродский, осмысляя судьбу шотландской королевы, утверждает главное для себя самого: надуманность повода для казни. Как и его обвинения в тунеядстве, приведшие к ссылке в Норинскую, а после и к вынужденной эмиграции, Мария Стюарт была казнена, по его мнению, не за государственные преступления, а за «красоту лица». Показательность процесса отождествляется с анекдотичностью и абсурдностью собственного судебного процесса, сделавшего, по словам Анны Ахматовой, ему «биографию».

Что делает Историю? — Тела.
Искусство? — Обезглавленное тело[22].

Именно это — несправедливость, показательность обвинений, которые завершаются оправданием уже посмертно, — позволяет Бродскому обращаться к образу Марии Стюарт, когда речь идет о его собственной судьбе. В этом стихотворении появляются сразу два географических пространства — это Люксембургский сад в Париже, где установлен памятник Марии Стюарт, и Шотландия XVI в., в которой и разворачиваются исторические события, ставшие основой для рефлексии поэта над судьбой «белой вороны» этого периода и сопоставления его со своей собственной. Сам образ «белой вороны», личности, не вписывающейся в общество и не принятой им, часто появляется в ранних стихах Бродского как элемент его поэтической самоидентификации.

Еще одним несправедливо осужденным историческим героем, к образу которого обращается поэт, становится маршал Георгий Жуков, которому посвящено стихотворение «На смерть Жукова»,

[18] Бродский И. Собрание сочинений… Т. 3. С. 27.
[19] Там же.
[20] Там же. С. 67.
[21] Там же. С. 68.
[22] Там же. С. 67.

ставшее реакцией на его кончину в 1974 г. Маршал Жуков, герой Великой Отечественной войны, в 50-е годы попал в опалу правительства — в 1957 г. он был исключен из ЦК КПСС, уволен из Вооруженных Сил как «не оправдавший доверия партии» и отправлен в отставку. В опале маршал прожил почти двадцать лет.

Стихотворение Бродского генетически связано с традицией посмертной оды и имеет тесное сближение с одой Г. Р. Державина «Снигирь», посвященной Суворову. Яркой аллюзией на державинский текст становится последняя строка, впрочем, антонимичная по своему содержанию: если у Державина снигирь должен перестать петь со смертью героя — «Нет теперь мужа в свете столь славна: / Полно петь песню военну, снигирь!»[23], — то в стихотворении Бродского слышится протест перед забвением:

Все же, прими их — жалкая лепта
родину спасшему, вслух говоря.
Бей, барабан, и военная флейта,
громко свисти на манер снегиря[24].

[Прим. И. Б. — написание «снегирь» сохранено в соответствии с источником.]

Бродский описывает героизм полководца, но не идеализирует его, подчеркивая дуализм его личности — гениальный стратег, все же готовый жертвовать людьми во благо высшей цели:

Сколько он пролил крови солдатской
в землю чужую! Что ж, горевал?
<...>
Что он ответит, встретившись в адской
области с ними? «Я воевал»[25].

Однако можно предположить, что причиной создания стихотворения на смерть Жукова становится для поэта все же мотив опалы и репрессий, под которые попадает гений в родной стране, ради которой был готов пожертвовать в том числе и собственной жизнью. Поэт, вновь обращаясь к античной истории, отмечает трагическую закономерность — великие герои часто оказываются осуждены и отвергнуты родной страной:

Кончивший дни свои глухо в опале,
как Велизарий или Помпей.
<...>
Спи! У истории русской страницы
хватит для тех, кто в пехотном строю
смело входили в чужие столицы,
но возвращались в страхе в свою[26].

Еще одно письмо «римскому другу», уже другому, Фортунатусу, Бродский пишет в 1976 г., привязывая свои воспоминания о Ленинграде к образу главного античного скитальца — Платона. Идиллический образ Ленинграда, создаваемый поэтом, то и дело сталкивается с действительностью: тиран в ложе, забытые законы Хаммурапи, из которых «самые главные — пенальти и угловой», низводящие справедливый суд до примитива, и трагическая кульминация в самом финале: абсурдные обвинения, предъявленные когда-то поэту в действительности, сочетающиеся с культивируемым газетами общественным порицанием:

[23] Державин Г. Р. Стихотворения. Л., 1957. С. 283.
[24] Бродский И. Собрание сочинений... Т. 3. С. 73.
[25] Там же.
[26] Там же. С. 73.

И когда бы меня схватили в итоге за шпионаж,
подрывную активность, бродяжничество, менаж-
а-труа, и толпа бы, беснуясь вокруг, кричала,
тыча в меня натруженными указательными: «Не наш!»… [27]

Обвинения в преступлениях, которые приписывали Бродскому (попытка побега из Союза, антисоветские стихи, написанные не им), переплетаются с фактическими поводами для его ареста — бродяжничество и тунеядство — и ироническими предположениями, за что еще его могли бы осудить: менаж-а-труа, или сожительство втроем. В последних двух строфах идеальный образ города мечты разрушается окончательно. Мечтательная часть авторского «я» поэта, желающая жить в Ленинграде в первых строках, сталкивается с реальностью пережитого ареста и едкой, злой иронией, адресованной к этой части сознания, от того, кто на самом деле был осужден и предан родным городом и страной в последних:

Я хотел бы жить, Фортунатус, в городе, где река…
… я бы втайне был счастлив, шепча про себя: «Смотри,
это твой шанс узнать, как выглядит изнутри
то, на что ты так долго глядел снаружи;
запоминай же подробности, восклицая «Vive la Patrie!» [28]

Торжественное восклицание «Vive la Patrie!» — «Да здравствует родина!» связывает стихотворение Бродского с судьбой еще одного изгнанника — поэта Николая Огарева, эмигрировавшего в Англию. В его позднем стихотворении «На новый год», написанном ровно за сто лет до «Развивая Платона», в 1876 г., поэт остается предан своей родине даже в чужой стране:

Не падши духом, я взываю не вотще,
Взываю к родине с моей чужбины вольной:
Вперед! вперед! вперед! [29]

Среди исследователей Бродского «Vive la patrie!» носит различные интерпретации, многозначность его поэзии позволяет трактовать данную фразу по-разному, в зависимости от интересов, задач и даже политических взглядов исследователя, но обращение к Огареву в данном контексте несколько сужает круг возможных трактовок. В стихотворении Огарева франкоязычное «Vive la patrie!», чуждое его слуху, противопоставляется его собственному революционному призыву «вперед!», и интерпретация строки Бродского в этом плане рождает дуализм трактовки: с одной стороны — это возглас поэта, преданного своей стране вопреки всему, а с другой — саркастическая насмешка над лицемерным патриотизмом толпы, видящей в поэте главную угрозу государственности. Подобной позиции относительно этого фрагмента текста придерживается В. В. Юхт: «Теперь становится понятной грустная ирония конечного лозунга “Vive la Patrie!”: не узурпатор, не монарх, не цезарь, а обычные сограждане обрекают поэта на неволю и изгнание (точно так же они когда-то обрекли Сократа на смерть)» [30].

Поэзия Бродского богата на контексты — исторические и культурные слои его творчества связывают его со всей мировой литературой, от античности до английской метафизики и поэзии шестидесятников. География культурных отсылок не менее обширна и идет в тесной связи с историческими реминисценциями — обращение к истории и географии используемых поэтом образов значительно расширяет контекст поэзии Бродского и поле его интерпретации. Но нельзя полагать, что что-то в его лирике используется «случайно» или не имеет особого значения

[27] Там же. С. 124.
[28] Там же. С. 124.
[29] Огарев Н. П. На новый год. 1876. URL: http://ogarev.lit-info.ru/ogarev/stihi/stih-76.htm (дата обращения: 16.01.2025).
[30] Юхт В. В. Между империей и утопией (Коммуникативная ситуация в стихотворении Иосифа Бродского «Развивая Платона») // Лев Лившиц. In Memoriam. URL: https://levlivshits.org/index.php/materialy/luchshie-doklady/152-2010-10-13-14-59-20 (дата обращения: 16.01.2025).

для его самоопределения и творческого выражения. Так, перебирая различные культурные образы, топосы и исторические фигуры, Бродский использует их в первую очередь для рефлексии над собственной судьбой — именно поэтому основные герои и исторические события, к которым он обращается, так или иначе отражают следующие важные для самоидентификации поэта темы, прослеживающиеся в его лирике на протяжении всей жизни: жертва во имя человечества («Гладиатор», «Стихи о Мигуэле Сервете»); несправедливый суд («Стихи о Мигуэле Сервете», «Двенадцать сонетов к Марии Стюарт», «На смерть Жукова»); изгнание и оторванность от родной страны («Одиссей Телемаку», «Письма Римскому другу», «Развивая Платона»). Кроме того, обращение к историко-географическому контексту позволяет Бродскому осмыслить свою судьбу как закономерную для многих великих людей прошлого и поставить себя в один ряд со знаковыми историческими личностями во взгляде в будущее «за вычетом поэта».

References

Broitman S. N. [Lyrical Subject]. *Vvedeniye v literaturovedeniye: Ucheb. posobiye* [Introduction to Literary Criticism: Textbook]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 2004, pp. 310–319. (In Russian).

Esin S. N. *Pisatel' v teorii literatury: problema samoidentifikatsii: avtoref. dokt. dis.* [The Writer in Literary Theory: The Problem of Self-Identification: Abst. Doct. Diss.]. Moscow, 2006. (In Russian).

Kline G. L. Variations on the Theme of Exile. *Brodsky's poetics and aesthetics*. London: Palgrave Macmillan, 1990, pp. 56–88. (In English).

Kobelyatskaya I. I. [The Problem of the Historic Personality in the Works of Joseph Brodsky]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedeniye, zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], 2011, no. 2, pp. 53–63. EDN: NUTYXZ. (In Russian).

Korman B. O. *Izbrannyye trudy po teorii i istorii literatury* [Selected Works On the Theory and History of Literature]. Izhevsk: Izd-vo Udm. un-ta Publ., 1992. (In Russian).

Losev L. *Iosif Brodskiy. Opyt literaturnoy biografii* [Joseph Brodsky. An Experience of Literary Biography]. Saint Petersburg: Vita Nova Publ., 2010. (In Russian).

Osmukhina O. Yu. [The Author in Search of the Self: Forms of Functioning of the Author's Mask in Domestic Prose]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki* [University Proceedings. Volga Region. Humanities], 2009, no. 1 (9), pp. 52–57. EDN: KVGITP. (In Russian).

Polukhina V. P. [The Author's "Self" in Exile]. *Polukhina V. P. Bol'she samogo sebya. O Brodskom* [Polukhina V. P. More than Himself. About Brodsky]. Tomsk: ID SK-S Publ., 2009, pp. 31–42. (In Russian).

Yukht V. V. [Between Empire and Utopia (Communicative Situation in Joseph Brodsky's Poem "Developing Plato")]. *Lev Livshits. In Memoriam*. Available at: https://levlivshits.org/index.php/materialy/luchshie-doklady/152-2010-10-13-14-59-20 (accessed: 16.01.2025). (In Russian).